

**Группа SilverCast представляет
фантастический рассказ
по мотивам музыкального альбома «Chaos Engines»**

ИМЯ ХАОСА

ГЛАВА 5

Некоторое время Дракон молчал. Филигрань серебристых чешуек на мерно вздымающихся боках тускло поблескивала в рассеянном свете.

В Храме чувствовалась сырость, прохлада и необыкновенная тишина. На камнях, похожий на слёзы, оседал утренний туман. Витражи ещё рефлексировали вслед за Садовником и сейчас казались совсем прозрачными – стальной ворон выбился из сил и ничего не чувствовал этим утром. В этой мягкой прохладе таилась лукавая тишина и свежесть, которая также ласково обманывает своим благополучием, как умелый фокусник прячет в рукаве труп канарейки, погибшей в ходе фокуса с исчезновением, за миг до того, как предъявить удивлённым зрителям такую же, но только живую птицу.

Дракон пришел несколько часов назад и теперь лежал на полу Святилища, положив на передние лапы огромную голову. Он ожидал страшного, но этого ещё не произошло, и потому он просто наслаждался светлой чистотой воздуха и прохладой. Его друг сидел рядом, по своему обыкновению привалившись спиной к железному боку Хранителя и отстранённо рассматривая прозрачные витражи высоко под потолком.

- Когда мы молчим и ждём чего-то, мы ждём плохого, мой друг. И я боюсь, что мне придётся скоро проститься с тобой, - нарушил молчание Дракон.

- Я убил Коду, - вместо ответа сообщил ему Ювелир.

- Иногда, спасая свою жизнь, нужно отнять чью-то чужую.

- Не существовало никакой необходимости это делать, но я поступил так потому, что захотел. В один момент что-то поднялось изнутри меня. Какая-то волна неизбывной горечи, чёрной... как мазут. Как чувство нечистоты. Как ненависть. Но только к самому себе, не к ней, понимаешь?

- Нет, - Дракон поднял голову и посмотрел на друга, - я не понимаю тебя.

- Я вдруг стал ненавидеть этот Храм и всё, что с ним связано, а самое главное – себя, - попытался объяснить Ювелир. - Как будто бы во мне его маленькая копия. Такая же... механическая, отлаженная, чистая, а я её за это ненавижу. И я захотел её уничтожить всей своей душой.

- У демонов нет души, – Дракон вправду не понимал, и в последние два дня Ювелир стал пугать его своим поведением. Дракон боялся, и боялся небезосновательно, что прежде, чем бриллиант в его сердце окончательно сточится, он потеряет всех, близких в этом Храме для него существ. Хороших отношений между Хранителем и Первожрецом не сложилось, Линора мертва, Садовник обезумел от горя и ещё не скоро придёт в себя. Мертва также и Кода. Они плохо ладили, но Соблазнительница, конечно, являлась частью мира, с которым Дракон ассоциировал себя. Дерзкая и неделикатная, иногда откровенно жестокая, она всё же – из страха или собственного желания - защищала Дракона, помогала ему кое в чём, хотя и не держала этого на виду. Он бы не возражал против того, чтобы перед смертью поговорить с ней, если никого не окажется рядом. Сейчас у Дракона остался только Ювелир. Дракон всегда мог поговорить с Конструктором, но он слишком молод, и всегда увлечён своими идеями больше, чем происходящим вокруг. А Ювелир сходил с ума. Предвидел ли это заранее центр? Спланировал ли центр это?

- Мне начинает казаться что, я больше не демон, - ответ Ювелира вернул Дракона из секундной задумчивости. - Я думаю, что душа у меня есть, потому что она нестерпимо болит. И мне хочется бежать во все стороны одновременно, и... я не знаю, как это описать

словами, но сейчас так пусто внутри. Я словно опорожнённая бутылка, которую сам же вчера и выпил, а теперь маюсь похмельем.

- Это просто любовь. Странно, что Кода тебе не сообщила, - отстранённо обронил Хранитель, - это чувство на погибель. Это чувство на смерть, но смерть она преображает, она находит в ней мир, побеждает собой.

- Я хотел уничтожить этот Храм. Вчера я страстно этого желал, и Кода знала как. По меньшей мере, она знала, как его остановить. Она хотела мне сказать слово для остановки машин в Зале Творения. И сказала бы мне, если бы... успела. Но я её убил, может, чтобы защитить Храм от самого себя. Я не знаю, что я творю, - выдохнул Ювелир.

- Нет. Ты это знаешь. Ты творишь жестокие, никому не нужные глупости. Ты ведёшь себя как высокомерный подлый дурак, который никого и ничто не ценит, и думаешь, что ты прав, - спокойно сообщил ему друг.

- Меня убьют.

- Да. Скорее всего, и будут правы – это самое логичное решение в данных обстоятельствах.

- Я тебя предал, - прямо сообщил Ювелир и, помолчав секунду, продолжил, - мог достать алмаз, и не достал, потому что влюбился в девушку, которую следовало для этого убить. Я ведь никогда не увижу её снова, а ты – мой единственный друг. Ты спасал меня тогда, когда это казалось невозможным. Ты поддерживал меня тогда, когда никто не верил в то, что я делал. И, напротив, относился серьёзно к моим бедам тогда, когда все остальные считали - я справлюсь только потому, что раньше мне удавалось всё. Но больше всего этого – пока ты защищал Храм, он казался мне домом. О чём я думал, как я посмел так отнестись к тебе?..

- Ты надеялся на душу Линоры? – предположил Дракон

- И да, и нет. Это изумруд. Я знал это. Но когда я шел к ней вчера, я так хотел ошибиться и думать, что это жертвенность в любви, и я успею тебя спасти. Я просто очень хотел, чтобы это оказалось действительностью. Чтобы правда подстроилась под мои представления о должном. Никогда со мной ранее такое не случалось. Ведь надежда – просто результат трагического недостатка информации. Я думал: то, что я сделал для этого места, Храма, мира — всё это даёт мне право на... я не знаю, как выразиться. Вероятно, счастье, а, возможно, прихоть. Но нет. Я просто думал о себе, вот и всё.

- Редко я с тобой соглашаюсь, - Дракон сделал многозначительную паузу, - но тут ты прав. Хотя... это, наверное, к лучшему. Иногда мне кажется, что внутри нас существует нечто, что в действительности гораздо важнее реальности и логики. Умереть за то, что считаешь важным - лучше, чем никогда не знать подобного смятения, и это... это имеет значение, друг мой. Я не знаю, что это такое, но оно имеет большее значение, чем весь этот Храм и весь его пафос. Это как причастность Творению. Я ведь тоже когда-то любил. Ты помнишь - это механическая роза. Она расцвела... и увяла. Пара дней, а мне они кажутся самыми настоящими из тех, что я прожил. Я ходил к Конструктору, спрашивал, может ли он что-то сделать, чтобы я мог пролить слёзы о ней...

- ...а он сделал с твоими слезами то же самое, что и с крыльями Коды. Они где-то в особом месте и появляются только, когда нужны? - попробовал угадать Ювелир.

- Нет. Он сказал, что когда прольётся слеза дракона, Храм падёт.

- Конструктор странный. Он верит в Сохранителя.

- Он суеверный. Это правда.

Они вместе засмеялись, без всякого повода для веселья. Ювелир, вздохнув, растянулся востро на боку Дракона, как он делал в редкие минуты их праздных встреч. Неумолимо казалось, что это происходит в последний раз, и больше им не увидиться. Что это чувство единения, вызванное единственно тем, что они ещё рядом, будет разрушено, как словно хрустальный сад. Но вместе с этим чувством теснилось в груди ощущение: всё

будет так, как оно бывает обычно. Чувство, будто всё хорошо, будто одиночество отступило, будто будущее, как и прежде, ждёт их.

- То есть ты любил механическую розу, и теперь готов меня простить за то, что я сделаю с тобой? – снова заговорил Ювелир, возвращаясь к безрадостной теме, которую они обсуждали.

- Нет, - Дракон вздохнул и продолжил медленнее, - я не знаю, смогу ли я простить тебя тогда, перед самой смертью, когда мне будет страшно и одиноко, но сейчас мне легче думать об этом. Я думаю о своей розе и о звёздах, и теперь я также стану думать о тебе. О чём-то, что помогло мне приблизиться к нему. Ближе, чем я смог бы, просто подойдя к алтарю-над-бездной и посмотрев на его изваяние. Послушай, что случится после того, как Храм остановится? Ты думал об этом?

- Да. Думал, - тон Ювелира снова стал почти беспечным. - Может, все просто будут жить своей обычной жизнью. Я найду ту девушку, вероятно, что-то и выйдет, ты ещё порадуешься за нас. Сам ведь мне говорил – я мог бы узнать счастье с одной из механоидов, если бы только захотел. Их срок короток, и от того они более настоящие, чем демоны. - Высоко-высоко поблёскивали бесцветные витражи.

- А тебя не пугает твоё отлучение от Призвания? Ты не содрогаешься, думая о том, что будет, когда ты получишь эту... вседозволенность? Ты хочешь, чтобы твоя возлюбленная жила в мире, в котором все вокруг потеряли цель своей жизни? И делали что-то бесполезное... например строили бы дороги, которые никуда не ведут, только, чтобы занять себя, спрятаться за работой, как за стенами, которые спасали бы их от действительности, но потом всё равно сходили бы с ума?

Ювелир промолчал, а Дракон, после непродолжительной паузы стал развивать свою мысль дальше.

- Ты думаешь, что твои собственные представления о лучшем хороши и для всех остальных. Но это не так. Все ограждаются от этого мира его же правилами, его же условностями и его ложью. Прячутся за ними, как за щитом, как в доме. Они боятся Храма, боятся мира, боятся самих себя. Они не хотят себя знать – им это не нужно! Боязнь самим отвечать за свою жизнь – это как боязнь открытого пространства – присуща всем, кто прожил всю жизнь под крышей в окружении стен. Они хотят думать о себе лучше, чем они есть на самом деле, и думают так. И всё у них прекрасно выходит – они хранят себя от себя в тайне, но не потому, что они плохие. Они просто хотят жить и радоваться. Простое желание для простых существ. Разве от этого знаем мы от этого какой-нибудь вред? Мир и Храм должны, они обязательно должны легко управляться. Этим они и отличаются от Хаоса. Когда сюда ворвётся Первожрец, когда мы встанем друг против друга, ты не будешь бояться того, что ты ошибся, что натворил дел зря? Что все, кого ты ценил, умерли из-за тебя, и умерли втуне? Ведь между тобой и безумием не будет такой надёжной штуки, как логика. Ты останешься один на один с очень нестабильной, непонятной и просто опасной штукой – с самим собой. Я прошу тебя: если ты можешь, отступись.

- Я... - Ювелир закрыл глаза, отвечая честно и осторожно подбирая слова, - я буду этого бояться. Но есть разница между тем, как буду бояться я, и как уже сейчас боятся они. Ты понимаешь, существует разница между тем, чтобы жить так, как живёшь, без возможности и права себя понять, и жить, выбирая себя каждую минуту.

- Все, кто хотят жить счастливо, боятся этого.

- Но я не такой.

- Такой... не такой... в чём твоё Предназначение?

- Я не понимаю, о чём ты спрашиваешь, - притворно попытался уйти от ответа Ювелир.

- В начале мира Сотворитель создал троих демонов – тебя, Конструктора и Первожреца. Так говорят, - пояснил Дракон не требующим возражений тоном. –

Необходимость я вижу только в Конструкторе, и, если создать Первожреца Сотворителя подвигли неясные мне, но крайне важные мотивы – я хочу у тебя узнать – и говори честно, потому что жить нам осталось недолго – что ты делал во времена, когда не существовало ни одного механоида, и их сотворение даже не планировалось?

- Я - первый из нерождённых, так же, как Конструктор и Первожрец. Просто... - его голос стал задумчивым: Ювелиру никогда и никому не приходилось этого объяснять, - Конструктор знал, как ему создавать, но не знал что. Первожрец чувствовал свою ответственность перед Создателем, но как выразить её... в начале не мог придумать. Они оба нуждались в общей идее, вдохновении, как смелости идти вперёд и ошибаться. Отвергать неверное.

- Так это ты у нас, оказывается, главный? – горько усмехнулся Дракон.

- Я просто ремесленник – делаю что умею. Тем более, когда появились механоиды, я будто... вспомнил то, что всегда знал, и сосредоточился только на своём Предназначении. А пока их не существовало... я имел другое Предназначение. Конструктор, которого позже прозвали Безумным, мой старший брат... он считал, что до создания механоидов я являлся великим демоном, достойным уважения без всяких сомнений, а после стал лишь бледной тенью того, сотворённого изначально, существа. Но мне так не кажется. Если сравнивать со светом, то вначале Сотворитель подарил Храму и миру лишь один, пусть и мощный источник, но он освещал лишь то, что находилось перед ним, и ничего более. Теперь же этот свет струится отовсюду, отражается, преломляется, непредсказуемо меняет цвета, и делает этот мир... прекрасным.

- Безумный конструктор в глаза и за глаза называл тебя никчемным бездельником, но из всех демонов он выделял тебя. Выделял больше Первожреца, тебе не стоит...

- Я знаю, - Ювелир рассеяно проверил карманы, но табака, как назло, нигде не оказалось, - ты можешь, и должен думать о моём мёртвом брате плохо. Но не считай его трусом. Он не пошел против Первожреца не из страха. Он хотел объясниться со мной.

- После этого разговора тебе очень повезло, что...

- Он относился к моей мечте о непостроенных Храмах серьезней, чем я сам. Вот и всё, что тебе следует знать о тех событиях.

- Так же и ты относишься к моей мечте о любви серьезней, чем я мог когда-либо посметь. Внутренне вы очень похожи. Я думаю, Первожрец сделает те же выводы. Послушай, после создания механоидов ты вспомнил то, что всегда знал. Это похоже на то, что ты испытываешь сейчас?

- Нет... вероятно, что-то общее и есть, но не то. Я не знаю, как это выразить. И мне остаётся только надеется, что я смогу защитить Храм так же, как и Безумный Конструктор, от самого себя – умереть в ловушке, которую сам себе заботливо приготовил заранее.

Зал заполнился охранниками мгновенно. Всего здесь секунду зал казался пустым, и вот сейчас Ювелир стоял, окруженный, словно стеной, изогнутым телом Дракона. Хранитель мог защитить своего друга от этих мастеров. Ювелир мог исчезнуть, и переместиться в любую точку Храма и мира по своему желанию, но всё вышло иначе. Он знал – сбежать так, чтобы Дракон мог сказать, что не успел схватить Ювелира, и отвести от себя гнев Первожреца, он не сможет. А, значит, не может бросить друга одного. Тем более, мир слишком мал для того, чтобы скрыться в нём от первого демона Храма.

- Захватить! - Громкий призыв, прозвучавший со стороны алтаря, взывал к Дракону.

- Не выйдет, пока я жив, - глухо ответил Дракон. Его железное тело оцетинилось, надёжно скрывая Ювелира от стрел и мечей. - В Храме нет оружия, способного повредить мне. Эта жертва не ваша.

Из множества охранников появился Первожрец, сразу же оказавшись в опасной близости от Дракона.

- Это жертва господня, - он посмотрел туда, где, защищённый от стражей телом Хранителя, стоял безоружный Ювелир, - ну что же ты, брат, не умоляешь меня, чтобы я не отдал команду твоему другу тебя убить?

Ювелир закрыл глаза, завершая анализ ситуации. Он знал, к чему приведёт эта команда. И из страха, но не за собственную жизнь, а за хрупкий самоцвет в механическом сердце Дракона, не мог позволить себе этого допустить.

- Я умоляю вас, мой господин, Говорящий с Создателем...

- Ты отрекаешься от своей ереси? – процедил Первожрец. Одна шестерёнка застыла, не успев зацепить зубчик другой. Дружба Ювелира с Драконом являлась мощным рычагом давления на обоих. Храм знал много битв и ожесточённых противостояний, так же, как и иных опасных ситуаций, и во всём и всегда Ювелир и Дракон до последнего защищали друг друга, и даже больше. Ювелир умел сражаться, делал это при необходимости, но воином так и не стал. Тем не менее, его одного можно смело ставить в честном бою против сотни мастеров, если за спиной демона будет нуждающийся в своём друге Дракон. Выстроенная Первожрецом логическая цепь могла спасти его брата. Всё могло получиться. В последний раз.

- Я признаю свои преступления, но они – только моя вина. Отпустите Дракона, и я предам себя в ваши руки с лёгким сердцем, мой великий господин.

- Ты... отречёшься?

Ювелир не ответил сразу, боясь, что при согласии соврёт, и Первожрец почувствует эту ложь быстрее самого Ювелира. И это промедление Первожрец истолковал как молчание. Резкое движение — и шип, одно из множества тайных орудий Дракона, взметнулся из скрытого паза, и прошил тело Ювелира насквозь у плеча, немного не достав до той точки, где он отделил бы голову демона от тела с зачаровывающей лёгкостью. При обратном движении, он, оставляя в теле яд и драгоценный камень-блокиратор, притянул бы демона к металлической коже Дракона, где его уже поджидали сотни маленьких шипов, но демон, зная об этом боевом свойстве Хранителя, собрал все свои силы, и устоял на ногах.

А потом все шипы исчезли. В борьбе со своей природой, Хранитель оскалился, обнажив свои смертоносные зубы, и одним мощным движением тела смял охранников, освободив Ювелиру дорогу к отступлению. Ювелир прекрасно знал – попавший в рану яд уже начал своё действие, и камень-блокиратор сводил к нулю все его естественные способности демона, и способность мгновенного перемещения в пространстве в том числе. Если ещё есть шанс продлить свою жизнь – им нужно пользоваться сейчас.

Что же, теперь ему бежать, как преступнику, преследуемому механическими гончими. Выход виднелся не так далеко. И он мог до него добраться, а там, юркнув в одну из многих галерей Храма, скрыться от погони, пользуясь тем, что никто не знал это здание лучше, чем Ювелир. И эту секунду, этот момент, последнюю возможность на спасение, демон потратил, стремясь от выхода из Святилища прочь. Он бросился к Дракону, к его морде, которая уже лежала на каменном полу.

Яснее всех звуков мира слышал Ювелир, как раскрошился, стараясь превозмочь самую суть Хранителя, старенький бриллиант в механическом сердце. Демон дотронулся до друга, проведя по его голове ладонью.

- Бежать нужно было в другую сторону, - слабо сообщил ему Дракон

- Держи, жестянка бестолковая, – ласково сказал демон, незаметным движением положив свой маленький бриллиантик к краю глаза друга.

Когда Ювелира схватили, они с Драконом, по прихоти случайности, ещё могли видеть друг друга. Демон слабо улыбнулся, увидев, как успокоился в смерти Хранитель, когда из его глаза потекла освободившаяся из алмазного плена, единственная на двоих нежно любимых Ювелиром существ, слеза.

Первожрец подошел к Ювелиру, молча вынув стилет. Молодым вновь стало его лицо, ясными светлые глаза, и седина в волосах больше не белела. Если бы между ними существовала вражда, если бы они ненавидели друг друга, то Первожрец помедлил перед тем, как убивать. Он бы начал говорить все те вещи, которые победитель говорит побеждённому, и у Ювелира осталось бы время что-то придумать, каким-то неизвестным усилием избавиться от блокиратора и мгновенно переместиться хоть куда-нибудь. Но теперь для Первожреца бунт Ювелира теперь стал просто песчинкой, попавшей в часовой механизм и испортившей несколько хороших деталей. Теперь их связывала лишь мелочь, просто преодоленный страх из прошлого. Детали жаль, но это просто детали. Речь теперь шла только о Храме. Причину поломки следовало устранить, а тратить на это лишнее время — глупо.

Подмастерье ворвался в импровизированную контору мастера, расположенную в расширенной монтажной люльке под самым куполом Зала Творения и накрытую негорючей тканью так, что она напоминала небольшой висячий шатёр. От резких движений юноша люлька начала раскачиваться, и мастер даже инстинктивно поднял чайную пару над столом, чтобы чай не попал на бумаги. Стоявшая на столе лампа нежным оранжевым светом обнимала пространство вокруг. Более яркие искусственные источники света в Зале Творения не работали.

- Если вы так врываетесь, юноша, значит, на это есть очень веская причина, - не спеша произнёс мастер, осторожно откинувшись на спинку лёгкого складного стула. - Я прав?

- Да, - ответил механоид, переведя дыхание. - Работы по установке купола скоро остановят.

- Очень интересно. Могу я узнать – откуда такие сведения? – мастер устремил на помощника скорее насмешливый, чем встревоженный взгляд.

- В Храме пережил попытку переворота, все заговорщики убиты.

- Ну, это же замечательно, - почти весело ответил мастер, - тогда почему вы, мой юный помощник, так запыхались?

- Говорят, их возглавлял Ювелир, - механоиду показалось, что он вывалил свою новость, как содержимое чана с расплавленным железом.

- Ну, что ж, - мастер грустно поджал губы и посмотрел на чертежи. Медленно перебрал их, выбрал один и сделал кое-какие пометки. Помешал чай, попробовал, поморщился и добавил туда подсластителя, а затем ещё серого концентрата. Попробовал снова и, удовлетворённо, на этот раз, кивнув, углубился в работу. Через несколько минут он поднял глаза на своего помощника. - Чего вы ждёте?

- Ваших... указаний... наверное.

- В какой связи я должен давать некие новые указания? Ваша задача вам уже объяснена.

- Но... работы...

- Кто-то их остановил?

- Нет.

- Тогда идите и выполняйте свои обязанности.

Механоид повернулся, чтобы направиться к выходу из конторы, который находился всего в полушаге от того места, где он находился.

- погодите, - поспешно окликнул его мастер, - подойдите, сядьте. Чай будете?

- У вас нет второй чашки.

- Это не беда, вот держите, - мастер подвинул свою чашку на середину стола, - он сладкий. С кисленьким. Вы кисленькое любите? Будем пить из одной чашки и... у меня где-то завалилось что-то вроде пирожного... знаете, его делают сразу таким сухим... для

удобства, чтобы брать с собой. Крошится, правда, немного. Держите. Только чертежи, чертежи... умоляю вас...

- Да, да. Я буду аккуратен.

Мастер сокрушенно вздохнул и замолк.

- Вот что, - снова начал он, - демоны приходят и уходят. Они не бессмертны так же, как и мы, просто их квазиорганические тела не снашиваются. Вы узнали о том, что парочка из них мертва – так это просто случайность. Скоро на их место встанут новые. Без всяких сомнений, то, что Ювелир, который будет с нами заканчивать купол, окажется новым, конечно же, очень плохо. Преемственной памяти у них нет, и некоторое время после творения демоны пребывают в некотором подобии шока. Тогда с ними почти бесполезно иметь дело, но это для нас не катастрофа. Господин... Ювелир... прошлый Ювелир говорил мне, что пришлёт своего подмастерья, так что на окончательном этапе работ мы получим всю необходимую поддержку.

- Откуда вы всё это знаете? Про то, как заменяют демонов?

- Мне очень много лет. Очень, слишком много. И однажды я работал вместе с господином Ювелиром, вот так же, при его поддержке... вы знаете про заброшенные города? Про запретные города?

- Да... слышал немного. Так, страшные истории перед полнолунием.

- Я бывал там, когда они ещё считались обычными, как ваш родной рабочий город. Красивыми, - мастер сделал неопределённый жест, - со своей архитектурой, историей. А потом случился бунт, в котором участвовал Конструктор. Он хотел создать на их базе альтернативу Храму.

- Так это произошло не однажды?

- Нет, конечно, нет... демоны иногда сходят с ума. Но господин... я думал, он будет всегда один и тот же. Во всяком случае, сменится не на моём веку. Когда Конструктор восстал, именно Ювелир сыграл ключевую роль в его устранении. Он придумал камни-блокираторы, которые не давали демонам пользоваться их естественными возможностями, такими, как мгновенное перемещение и левитация, например. Я видел его тогда, когда мы входили в эвакуируемые города, когда все бежали из них, а моя группа под руководством Ювелира устанавливала самоцветы, генерирующие защитные поля. Щиты от яда и радиоактивного излучения для всего остального мира. Безумного Конструктора убил Первозрец, после того как Дракон загнал его в угол – это я слышал от мастеров-воинов. Наверное, сейчас так же убили и господина. Блокиратор под кожу, а потом гонят, гонят, пока всевдоорганика не выработает свой внутренний ресурс, а после всё делается быстро. Значит, такова судьба.

- Вы видели это всё? – юноша подвинулся к столу, не отрывая взгляда от мастера. Старик поглядел на него, улыбнувшись трогательному наивному восхищению, которое струилось из взгляда юноши. Казалось, он уже забыл, почему пришел в контору и от чего совсем недавно так переживал: теперь он хотел услышать настоящую историю, из которой родились пересказанные сотни раз страшные сказки перед полнолунием. - В моей жизни никогда не происходило ничего интересного!

- Вас тянет к необычному? Это нехарактерно для механоидов, - мастер хотел сменить тему беседы, но кроткий свет настольной лампы бросал странные тени на чертежи. Они будто танцевали, будто уже сами собой что-то рассказывали старику, - моя вам история перед полнолунием... хотя полнолуние уже закончилось – это получается история после полнолуния и, вероятно, поэтому она будет не очень страшной. Много лет прошло... и у меня об этой поре только светлые воспоминания.

В то время господин Ювелир одновременно обучал достаточно много учеников, почти целый класс. Я это узнал как раз тогда, когда мы собрались на инструктаже, перед тем как войти в эвакуируемые города. Я уже тогда был пусть молодым, но достаточно сносным специалистом по защите помещений от воздействия внешней среды и хорошо

знал типовые здания и планировки улиц этих городов. Группа господина Ювелира состояла из его личных учеников – они все отправились добровольцами, специалистов, направленных центром, вроде меня, и мастеров воинов.

Тогда я познакомился с госпожой Айлин. Она состояла в рабочей группе господина Ювелира, одной из его молодых учениц. Он, увидев в ней талант инженера-огранщика, взял на обучение ещё в детстве, прямо из рабочего дома. Она напоминала мне ясное летнее утро. Нежную золотую зарю, которая озарила мою душу так полно и тепло, лишь только я увидел её.

Я помню – какой страх мы испытывали там, пока разворачивали систему защиты внешнего мира. Какой сковывающий душу ужас. Никто и не надеялся, что запретные города уцелеют – мы боялись, что оружие, которое держал у себя Безумный Конструктор, может причинить вред остальному миру. Господин уходил от прямых ответов на вопросы о разрушительной мощи этого оружия, и от этого воображение рисовало нам ужасные картины возможного будущего. Над городами уже высился скелет будущего Храма. Храма Хаоса, как мы называли его. Жители бежали, бросая даже машины. Бои велись на улицах и внутри зданий. Мы чувствовали – мы защищаем мир, мы... противостояем Хаосу так, как делает это сам Храм Порядка, мы благословенны. Однако мы всё равно боялись смерти.

Но вот мы завершили развёртку сложнейшей сети защитных камней, с единым камнем-ключом в крупном здании города. Господин отослал нас назад, в тыл, решив, что оставаться нам слишком опасно, и, случись необходимость защиты здания, где находился контрольный камень, управляющий щитами, мы будем лишь мешать. Мы выбрались под прикрытием небольшой группы мастеров-воинов. Обратная дорога оказалась куда быстрее. Мы ждали на железнодорожной станции, рядом с которой находился полевой лазарет. Мы, я и моя Айлин, смотрели в сторону запретных городов – они находились вдалеке и ниже, хорошо просматривались с крыш станционного городка – все, кого отослали в тыл, тогда устроились на крышах.

Прогремел взрыв. Мы теперь ясно видели периметр щита, поскольку его полусфера удерживала ударную волну. Мы смотрели на то, как беззвучно растекается, по невидимой кромке густой огонь. И почти сразу же мы услышали о нашей победе. В порыве радости Айлин обняла меня, и я запомнил, как пахнут дымом её волнистые светлые волосы, как светятся ясные глаза.

Мы ждали всю ночь и к утру, ещё раньше рассвета, начали прибывать поезда, транспортирующие до Храма. На станции шумела большая многоголосая толпа, и нам велели сразу же проходить в вагоны. С нами тогда ехали мастера-воины. Общий вагон – место для разговоров – сами наверняка знаете, а нас переполняло любопытство.

Один из воинов сразу же затеял рассказ. Говорил он много и долго, но особенно этого механоида, по его словам, поразило то, что группа господина Ювелира смогла защитить «стратегически важный объект», как он сказал. Защитить, погибнув в полном составе. Солдата восхищало то, что последний из группы – Ювелир, погиб за секунду до того, как основные силы — группы, которые вели Первожрец и Дракон - предотвратили захват объекта. В этом он видел высокое искусство Генерала, его беспощадный, но точный расчёт.

На мою Айлин стало страшно смотреть, когда она услышала последние слова этого мастера-воина. Расстроилась вся наша группа, но многие, как я, плохо знали господина, а другие, как часто бывает, и вовсе не эмоциональны. Но это невозможно сказать про мою Айлин. Стараясь не показывать свою глубокую боль, она устроилась у окна, я сел рядом с ней и почти набрался смелости заговорить, но отчаянье в её глазах осекло меня. Конечно, она не посмела проявить свои чувства. Но теперь я уверился, что её преданность учителю и господину в действительности имела более глубокие мотивы. Не для меня билось сердце моей милой маленькой Айлин.

Поезд тронулся, и мы начали обратный путь к Храму. Состав отходил от платформы, а над миром занималась рассветная заря. Я не знаю, как это вышло, как так сложилось, но помню, что я смотрел на зарю, и чувствовал так полно и ясно этот железный мир. Как механоид, вдруг научившийся дышать, я чувствовал, как жизнь проходит через меня, перетекает, пронизывая небывалой лёгкостью, как счастьем. Мы въезжали в утро, усталость сказывалась на нас, и разговоры понемногу утихли. Задремала и моя милая. Набравшись смелости, я тихонько дотронулся губами до её волос. Сейчас я переживал и чувствовал то, на что я не мог надеяться ещё сутки назад. И так поезд мчался мимо городов, а я... жил.

Мы прибыли в Храм через неделю пути, и за это время я сблизился с моей ненаглядной. Мы стали как лучшие друзья, и я уже надеялся на возможное счастье. Я понимал – нам предстоит долгий и трудный путь к нему, ведь рана в душе моей трепетной Айлин ещё кровоточила – ей только предстояло переменить весь свой жизненный уклад, но я более всего хотел сбросить её от горестей этого пути, скрасить его.

Вы, конечно, знаете, что господин Ювелир не погиб тогда. Опасно ранен – да, вероятно ни один механоид не смог бы пережить такие раны, но он всё же демон. Демон, который пришел лично встречать свою группу на Храмовую станцию, как нас с вами вчера, утром. И тогда рухнули мои надежды, которые посмели так неосновательно окрепнуть за время пути. Моя Айлин засветилась так, будто она сама – маленькое солнце.

Все радовались встрече – ученики собрались вокруг своего учителя тесным кругом, а я не посмел подойти. Тем не менее, господин поздоровался с каждым, и я получил своё приглашение работать в Храме. Секунду я боролся с искушением – искушением жить рядом с Айлин, но так горели её счастливые глаза, что я не посмел омрачить своей страстью её мир.

Оформив все необходимые документы, я напросился на объект, на который поезд уходил немедленно. Когда я проходил к своей платформе, я видел – Ювелир со своими учениками всё стояли на перроне, что-то горячо обсуждая. Кое-кто уже достал блокнот и делал наброски. Айлин заметила меня. Она подбежала - яркая, чистая, светлая. Она хотела попрощаться, хотела объяснить, почему так мало уделяет времени мне перед нашим расставанием, но говорила без умолку только о новом устройстве, которое описывал им Ювелир. Чудесном устройстве, удивительном... вот этом – мастер показал на разложенные на столе чертежи. Купол лепестковой развёртки, - произнёс он, задумчиво постучав по бумагам узловатыми пальцами. - Его путь от идей до сегодняшнего дня занял шестьсот лет, которые я прожил вопреки всем разумным пределам жизни, провозая в смерть одного за другим своих учеников. Аварии на объектах, прожитые годы, проекты, которые казались мне вершиной моего мастерства – всё это проходило, а я оставался жив, как заговорённый, как проклятый за свою любовь к Айлин, проклятый Ювелиром на неспособность полностью раскрыть свой талант, проклятый самой смертью.

Но тогда, на железнодорожной платформе, поцеловав Айлин с дружеской нежностью в лоб, я отправился к своему поезду. Так вышло – он тоже уходил на рассвете. Я должен был грустить, но чувствовал лишь светлую лёгкость тогда. Я примирился с судьбой, и где-то в глубине моего сердца тоска уже тогда менялась местами с счастьем от моей долгой-долгой дороги.

Остальные ученики Ювелира со временем стали мастерами и ушли из Храма – это я узнал, когда встречался с ними на других объектах, и несколько раз получал направление в Храм. И лишь Айлин до своей смерти осталась подле него. Там её истинное место, и я не посмел увидеть её вновь. Конечно, Ювелир так и не заметил, какая досталась ему драгоценность. Для него она просто ещё один механоид. Для меня – моя судьба единственная, моя судьба.

- Я не знал, что у демонов бывают ученики.

- У нерожденных не бывает учеников так, как это бывает у мастеров. Мы, те, кто стареет и уходит, – мы надеемся, что кто-то из молодых придёт на наше место, когда нас не будет. А демоны просто выращивают себе помощников. Когда их нужно много – их много. Когда они не нужны – их вовсе нет. Нельзя сказать, что демоны вовсе не любят своих учеников. Просто они к ним относятся проще. Как к органическим животным. Хорошим, но не вполне живым, - тихо окончил свой рассказ мастер.

- Но всё же... как такое может случиться? Как кто-то может предать Храм? Даже безумие не может являться таким... таким несовместимым с естественным ходом вещей.

- Вполне возможно, когда тебе чего-то очень сильно хочется. Или... когда Создатель так решит.

Механоид выглядел потрясённым, когда мастер произнёс это.

- Как?

- Тебе лучше знать, Рика - мастер, прищурившись, посмотрел на своего ученика, - ведь ты пророк.

- Я?.. Мастер, пророков, кроме Первожреца, не бывает, это выдумка.

- Пей чай. Я знаю, как отличить твои слова от чужих. Сотворитель каждому однажды задаёт свой вопрос. И вот он спросил меня. Через тебя. И я ответил.

- Но я... я... хотел...

- Просто пей чай. Нам предстоит много работы, мы можем отстать от графика.

- Чай невкусный, - доверительно сообщил юноша. - Вы знаете, иногда я слышу голос, - всё же рассказал он, держа еле тёплую чашку между ладоней, - я не говорил никому. Боялся, что меня лишат работы, отберут камни, и я не смогу тогда жить.

- И что он тебе говорит?

- Он всегда говорит: «Не бойтесь!», и... я не хочу, чтобы он уходил.

Продолжение следует...

*Нелле
Санкт-Петербург, 2012*